

УДК 7.033.2(497), 7.033.4...4  
ББК 85.11  
А43  
DOI:10.18688/aa166-2-20

С. В. Мальцева

## Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков

Появление во второй половине XII в. на политической карте Европы сербского государства определило границу между новой Римской и Византийской империями. Столь близкое соседство восточнохристианских и западноевропейских традиций обусловило интерес исследователей к характеру их соприкосновения в церковном зодчестве Балкан в связи с проблемами влияний, заимствований и параллелей. Смысл этих понятий, сфера их применения и методы исследования занимают одно из ключевых мест в историографии и продолжают оставаться актуальными, обнаруживая все новые аспекты изучения.

«Сербия между Востоком и Западом» — показательное словосочетание в названии множества изданий, включая вышедшее совсем недавно на русском языке [1; 4; 19]. Как правило, объектами подробного рассмотрения западноевропейских влияний в сербском средневековом искусстве становятся памятники так называемого рашского периода — конца XII – XIII в. Масштабные постройки сербских князей и королей этого времени обычно совмещали функции епископских кафедр, монастырских кафеоликонов, родовых усыпальниц канонизированных правителей из династии Неманичей [3; 7; 13; 16; 26]. Таким образом, они являлись крупнейшими сакральными и политическими центрами [9; 10]. Напомним основные особенности храмов этой эпохи, в которых византийские и западноевропейские архитектурные традиции соединялись с местной идеологической основой, создавая неповторимое своеобразие национального зодчества.

У истоков формирования сербской архитектуры мы находим однефный вариант византийского компактного крестово-купольного храма [7; 11]. Воспринятая схема будет усвоена и получит дальнейшую интерпретацию, сохраняя на протяжении всего XIII столетия главную особенность — однефное пространство. Образцом для большинства построек рашского периода станет храм Успения Богородицы в Студенице (Рис. 1а, 1б), построенный родоначальником правящей династии Стефаном Неманей в конце 1180-х гг. [10; 13; 21; 23]. Желание сербских правителей украсить свои постройки, используя наиболее репрезентативные решения из арсенала как византийской, так и европейской традиций, приводит к их синтезу и творческому переосмыслению от конструкций до декора. В итоге уже в первой четверти XIII столетия появляется особый региональный тип рашского храмового комплекса со специфическим планом и устойчивым вариантом распределения функционально значимых зон внутри храма (Рис. 2а, 2б). С востока к однефному пространству, как правило, примыкает трехчаст-

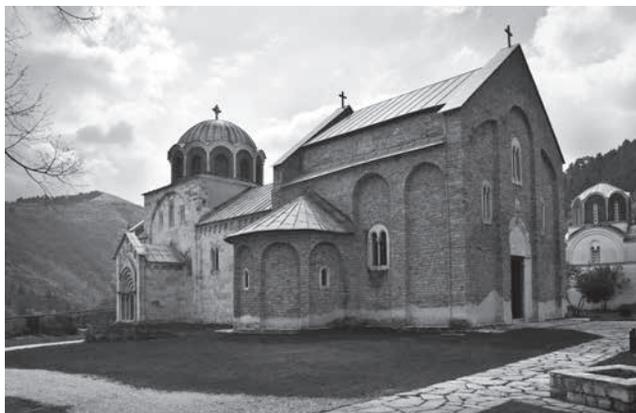


Рис. 1а. Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница (конец XII – первая треть XIII в.). Фото С. В. Мальцевой

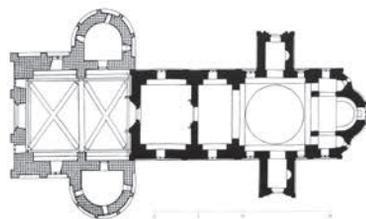


Рис. 1б. Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. План по В. Корачу

ный алтарь. Ядром постройки оказывается однефное пространство подкупольного квадрата, фланкированное двумя резко пониженными компартиментом, которые использовались как приделы, певницы, реликварии и т. д. [3; 7; 12]. Важнейшей особенностью рашских храмов становится появление в западной части внутреннего нартекса, отделенного парой опорных лопаток и предназначенного для ктиторовских захоронений [16]. Кроме того, обязательной составляющей сербских монастырских комплексов становятся большие эксонартексы с обособленными приделами, фланкирующими их с юга и с севера [3; 7; 11; 20]. Эти западные части становятся важнейшей составляющей храма, они функционально связаны с поминовением ктиторов и сербских святых.

Описанное архитектурное решение, в основе которого во многом угадывается византийская и специфически афонская типология, получает местную интерпретацию. Вместе с четкой регламентацией структуры в рашских постройках всякий раз мы обнаруживаем работу различных по происхождению мастеров, использующих разные материалы и конструктивные приемы. Таким образом, именно ктиторовские программы Неманичей, отражающие специфику духовной и политической жизни этого региона, способствуют возможности сохранения и дальнейшей трансформации рашских архитектурных формул в новых условиях более позднего периода.

В XIV столетии основные политические центры стремительно расширяющего свои границы сербского государства перемещаются на завоеванные у греков территории Косова, Метохии и Македонии. Церковное зодчество следующего периода, который в общепринятой периодизации Г. Милле получил название «византийский» [26], в историографии последних лет неоднократно предлагалось отождествлять с византийской традицией. Вопрос о западноевропейских влияниях уходит на второй план и обсуждается лишь в связи с некоторыми исключительными эпизодами [8]. При доминировании в это время византийских традиций в типологии и стилистике в храмах-усыпальницах сербских правителей мы обнаруживаем продолжение рашских архитектурных традиций до середины XIV в. Так, например, церковь Св. Стефана монастыря Баньска (1317) — усыпальница сербского кралея Милутина (1282-1321) [22], главного идеоло-



Рис. 2а. Церковь Вознесения монастыря Милешево (первая треть XIII в.). Фото С. В. Мальцевой

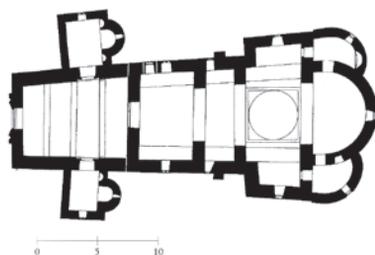


Рис. 2б. Церковь Вознесения монастыря Милешево. План по В. Корачу

га византийской ориентации в искусстве этого времени. Однако архитектура его усыпальницы свидетельствует о приверженности древним сакрально значимым образцам рашского периода и воспроизводит более древний студеницкий храм. Усиление византийского начала в Баньске проявляется практически лишь в материале — постройка выложена из кирпича и облицована мрамором. Узнаваемыми по-прежнему остаются: приделы, фланкирующие экзонартекс, устройство захоронений во внутреннем нартексе, вытянутость по продольной оси и специфическая конфигурация плана с трехчастным алтарем и певницами по сторонам от подкупольного квадрата. Как и в Студенице, связи с западноевропейскими приемами здесь обнаруживаются в многочисленных элементах декора, прежде всего — в рельефах с характерной стилистикой, позволяющей связать их происхождение с артелями мастеров с Адриатического побережья.

Совсем иной принцип развития архитектурной формы, связанный с европейскими традициями не только на уровне декоративных программ, но и на уровне конструктивно-типологических решений, мы находим в монастыре Пантократора в Дечанах [14; 18]. Дечанский храм — масштабное сооружение прекрасной сохранности (Илл. 54, 55). Известны многие обстоятельства из истории его возведения, в том числе дата и имя строителя — францисканского монаха протомайстора Фра Вита из Котора, как сказано в надписи над южным порталом храма. Большой кафоликон был заложен в 1328 г. сербским кралем Стефаном Урошем III. Он был хорошо знаком с византийской культурой и ее архитектурными традициями благодаря активной деятельности своего отца краля Милутина, а также и сам видел византийские памятники столичного круга. Тем не менее дечанский храм становится примером удивительного синтеза древних рашских традиций и новых течений западноевропейской готики в варианте, типичном для берегов Адриатики [25; 3]. Свободная от дробных членений, подчеркнута гладкая мраморная облицовка фасадов с тонкими цветовыми переходами, характерная аркатура с фигуративной резьбой на консолях, в венцах окон и над порталами — все это напоминает итальянскую архитектуру середины XII – XIV в. Красота и особенно высота храма, названного «Высокие Дечаны», вошли в историю и обрели отражение в целом



Рис. 3а. Церковь Благовещения монастыря Градац (ок. 1270).  
Фото С. В. Мальцевой

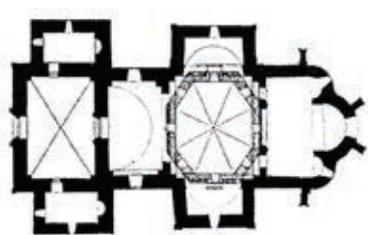


Рис. 3б. Церковь Благовещения  
монастыря Градац.  
План по О. Кандич

ряде поэтических описаний, в том числе и в тексте жития святого Стефана Дечанского, ктитора этого храма, написанного Григорием Цамблаком в начале XV в. [18].

Дечанский храм в целом хорошо изучен. В двух посвященных ему монографиях тщательно объединены и прокомментированы результаты изучения конструктивной системы, иконографии и происхождения архитектурного декора и других особенностей. Однако недостаточно освещенным остается вопрос о влиянии этого храма на ход дальнейшего развития сербской архитектуры. Обычно значение этой постройки определяют как главное исключение в большом блоке сербского зодчества двух периодов — византийского и следующего, моравского. Появление такого исключения справедливо объясняют идеологией времени правления Стефана Дечанского, который, как известно, был почти совсем ослеплен в результате придворных интриг византийской принцессы Симониды, ставшей супругой сербского крала Милутина. Возрождение образа древних сербских храмов становится целью заказчика Дечан, который подчеркивает национальную специфику в этом архитектурном комплексе.

В наружном облике дечанского кафоликона легко прочтываются традиционные черты рашского храма, точнее, вполне узнается образ Студеницы. Здесь мы находим те же общие принципы в распределении акцентов объемно-пространственной композиции, такие как значительная протяженность фасадов, выделение центрального подкупольного ядра на квадратном постаменте. Сходным образом решены композиции алтарных

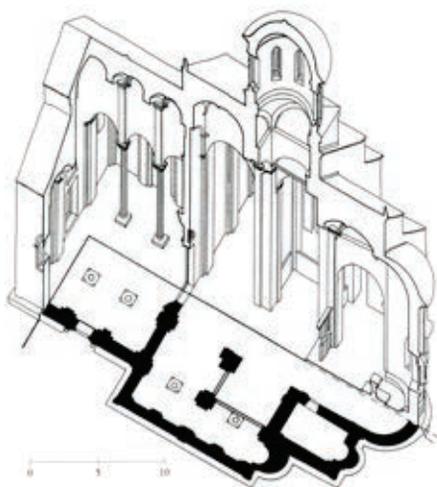


Рис. 4. Церковь Пантократора монастыря Дечаны (1327–1335). План по В. Корачу

частей этих двух храмов. Заполнение тимпанов тройных алтарных окон рельефами с характерной иконографией оказывается буквальной цитатой из Студеницы. Целый ряд декоративных мотивов в интерьере также вполне определенно указывает на желание максимально сблизить дечанский храм с древним сакрально значимым образцом. Это и круглые колонки портала, поддерживаемые фигурками львов, и скульптурная пара льва и грифона в завершении. Такие мотивы были заимствованы из западноевропейской архитектурной пластики еще в конце XII в., впервые появились в Студенице, а затем были повторены в Дечанах [18].

Однако в дечанском храме воспроизведение Студеницы как значимого образца получает весьма специфическую реализацию в иной архитектурной типологии и в позднеготическом оформлении. Такая глубина проникновения западноевропейской традиции ранее не была известна в рашских храмах. Взятый за основу вариант пятинефной базилики стал причиной высокой степени переосмысления традиционной плановой схемы, изменил принципы организации пространства, которые всегда являлись главной составляющей специфики рашского храма. Достаточно проанализировать рашские постройки XIII в., представленные во всем многообразии конструктивных приемов и стилистически неоднородных форм, и сравнить их с дечанским решением, чтобы различия и новизна стали очевидны.

Ранее уже были известны примеры, когда ктиторский заказ предполагал нарочитое воспроизведение Студеницы в качестве образца. Так, например, церковь Благовещения в Градаце (до 1276 г.) возводила артель франков [5]. Здесь вполне очевидны привычные для европейских мастеров методы строительства, приемы и формы, отличные от местного балканского опыта. Однако в Градаце западноевропейские конструктивные методы оказались полностью подчинены идее копирования (Рис. 3а, 3б). Здесь зодчие всеми средствами изображают византийский компактный крестово-купольный храм, и разрушения привычной системы не происходит. Расположение компартиментов и пространственное решение здесь во всем соответствуют византийскому прообразу.

Принципиально другая ситуация в Дечанах. Масштабное базиликальное пространство, созданное с помощью готических конструкций, имеет иные принципы композиционной организации (Рис. 4). На смену однонефному типу приходит усложненный купольным ядром пятинефный вариант, получивший в историографии различные варианты прочтения. В последние десятилетия предлагалось видеть в этом решении синтез новых романо-готических конструкций с древней рашской архитектурной программой в условиях сильного византийского влияния, идущего из Салоник. В частности, С. Чурчич объясняет появление в Дечанах боковых нефов с приделами Св. Николая и Св. Димитрия во всю их длину влиянием салониких построек с галереями, таких как церковь Свв. Апостолов (ок. 1310 г.) [24]. Это предположение, однако, вызывает много сомнений. Ни сам византийский образец, ни его интерпретации, получившие распространение в сербских областях в первой четверти XIV в. (как пример Чурчич приводит церковь Успения Богородицы в Грачанице, ок. 1320 г.), с нашей точки зрения, здесь не были отражены. Динамичное композиционное решение, выделяющее крестово-купольную структуру на фасадах, обособленность приделов в пастофориях, отделенных таким образом от обходной галереи, — все это направляет на поиск иных

объяснений. Более вероятной, на наш взгляд, кажется связь дечанских боковых приделов с формами, почерпнутыми из архитектуры западных балканских прибрежных областей, где в XIII в. строятся большие романо-готические базилики (собор Св. Лаврентия в Трогире, 1213–1240; собор Св. Анастасии в Задаре, XIII в.). Полагаем, именно приморские базилики стали источником своеобразного решения фасадов, в которых оказались композиционно объединены разделенные в интерьере компартименты, что и создавало видимость базиликальной структуры.

Итак, дечанский храм по типу, конструктивным параметрам и стилистике декора принадлежит к романо-готической традиции. При этом в нем по-новому реализуется рашская плановая схема и опосредованно присутствует византийское начало. Подчеркнем: дечанский купол конструктивно и композиционно принадлежит к рашской традиции, он возведен на характерных именно для сербской архитектуры повышенных подпружных арках. Главное отличие дечанского храма от всей предшествующей традиции — в структуре внутреннего пространства. Здесь программа рашского храма совершенно по-новому вписана в пятинефное пространство с тонкими опорами, чередующимися со столпами. Принцип организации этого пространства, безусловно, совершенно иной по сравнению с иерархичной структурой интерьера крестово-купольного храма. Интерьер дечанского храма в чем-то подобен Успенскому собору Московского Кремля, когда создается похожее на крестово-купольный храм решение, но очевидно другое понимание структуры и пропорций этого пространства.

Для сербской архитектуры всего предшествующего периода было очень важно архитектурное оформление пространств, связанных с ктиторскими погребениями и культурами сербских святых, для чего обычно выделялись приделы, певницы, нартексы с захоронениями [5; 16]. В XIII в. эта функциональная необходимость стала главным фактором, определявшим региональное своеобразие больших монастырских кафоликонов с развитыми западными частями и четко разграниченными зонами в интерьере [10]. В первой половине XIV в., когда внешний облик большинства храмов уподобляется византийским, приделы и захоронения начинают размещать в других местах храма, но они так или иначе оформляются [5]. Например, в очень близкой к Дечанам по времени церкви Одигитрии в Печской патриархии (ок. 1330) мы также находим стремление с помощью архитектуры обособить захоронения в западных частях храма [16]. Подобные тенденции можно наблюдать в меньших по размеру церквах, строившихся по заказам сербских вельмож на македонских территориях. Так, в церкви Свв. Архангелов в Штите (ок. 1332) помимо двух присоединенных к основному объему храма с востока купольных приделов сделана выгородка в наосе для еще одного придела над захоронением [3]. В церкви Спаса в Кучевиште близ Скопье сербские ктитория в 1330–1340-х гг. пристраивают к более древней византийской постройке отдельный нартекс с двумя приделами [3].

В Дечанах привычная рашская программа оказывается встроена в инородное пространство особым образом. За исключением алтарных частей с приделами в пастофориях, другие храмовые зоны, имеющие определенное функциональное назначение, располагаются здесь в едином пространстве, равномерно разделяемом множеством стройных опор. Боковые приделы в крайних нефках теперь полностью открыты в про-

странство основного храма. Как и в рашских храмах, зона подкупольного квадрата фланкируется певницами, но здесь это осуществлено с помощью выгородки низким барьером из мраморных плит. Между певницами и западной парой несущих опор расположены и престолы — специально оформленные места для светского правителя и церковного владыки. На первый взгляд такое решение может показаться странным. Однако его вполне можно объяснить, именно исходя из логики традиционной рашской программы: оно связано с оформлением ктиторских захоронений. Саркофаги ктиторов в Дечанах поставлены прямо посередине храмового пространства [15]. Но если вспомнить, что в рашских храмах они занимали место во внутреннем нартексе, всегда начинавшемся за западной парой опорных столпов, то становится понятно, что и здесь эта традиция сохранена. Только привычный способ архитектурного обособления внутреннего нартекса и приделов здесь заменяется невысокими парапетами вместо стен или просто обозначается с помощью росписей.

Иконография настенных росписей становится даже более значимым аспектом, нежели архитектурно оформленное выделение специальных пространственных зон. Росписи дечанского храма были завершены к 1350 г. Изображение св. Стефана на столпе перед саркофагом-кенотафом Стефана Дечанского надежно обозначает ктиторское захоронение. Композиционно разбросанные между столпами сцены Страшного суда обозначают внутренний нартекс. Даже особо значимые в сербской практике приделы не требуют теперь архитектурных средств оформления и обозначаются иконографическими программами, раскрывающими их функциональное назначение внутри единого пространства. Максимально яркое выражение эта идея находит в нартексе. В его зальном пространстве, разделенном лишь стройными стволами колонн, в северо-восточной части мы безошибочно определяем придел с посвящением св. Георгию, не имеющий даже апсиды. На восточной стене здесь помещены типичная для алтарных композиций сцена Поклонения Жертве и житие св. Георгия, северная стена занята ктиторской композицией над погребением [18].

Если раньше местная специфика, связанная с культурами сербских святых и ктиторскими погребениями, находила воплощение в добавлении к византийской однонефной основе различных дополнительных компартиментов с определенным назначением, то теперь стремление к зальности в организации пространства, как кажется, дало несколько иное направление дальнейшему ходу развития сербской архитектуры.

В постройках сербских правителей следующего периода, называемого моравским (вторая половина XIV – первая половина XV в.), мы больше не встречаем отдельных компартиментов, помимо нартексов, и каких-либо выгородок в храмовых интерьерах. Возможно, дечанский храм сыграл свою роль в утверждении этого нового принципа — зальности храмового пространства. При сохранении необходимости в пределах в связи с местными сербскими и ктиторскими культурами предпочтение отдается цельности интерьера, обеспеченной разными способами. В это время широкое распространение получает новый тип храма — триконх, который существует в двух вариантах: четырехстолпный крестово-купольный и компактный (однонефный). Появление боковых конх, вероятно, было связано с тенденцией к расширению пространства вокруг подкупольного квадрата, к развитию поперечной оси север – юг.

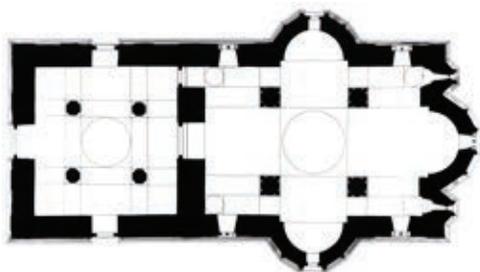


Рис. 5. Церковь Святой Троицы монастыря Ресава (Манасия) (до 1418). План по Б. Тодичу

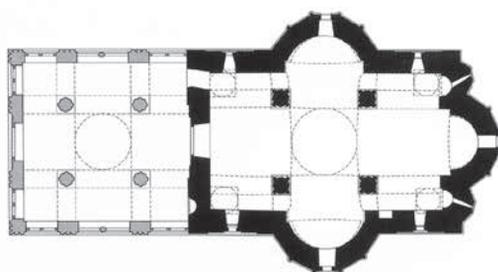


Рис. 6. Церковь Вознесения монастыря Раваница (1370-е). План по В. Корачу

Западноевропейские мотивы в декоре моравских церквей являются второй яркой особенностью этих построек. Обильная каменная резьба, орнаментальные и фигуративные рельефы на оконницах, порталах и капителях, окна-розетки с затейливыми ажурными переплетами — все эти элементы, принесенные в сербские земли приморскими мастерами, соединяются с традиционными византийскими и сербскими орнаментами и типами храмов [6].

Приморскими зодчими по заказу деспота Стефана Лазаревича была возведена большая церковь Святой Троицы монастыря Ресава (1407–1418) [17] (Рис. 5). Архитектурное решение постройки столь высокого статуса определялось заказчиком, который, как правило, ориентировался на некий значимый образец. Им в данном случае стала церковь Вознесения монастыря Раваница (1370-е) — усыпальница отца заказчика святого князя Лазаря, павшего в битве на Косовом поле [2]. Мастера, прибывшие с островов Адриатического побережья [17], достаточно точно воспроизвели масштаб и типологию этого сакрально значимого прототипа. Ресава, как и Раваница (Рис. 6, Илл. 56, 57), представляет собой византийский пятиглавый четырехстолпный крестово-купольный храм с купольным экзонартексом. Однако аристократически утонченный художественный образ ресавского храма далек от пышного узорочья фасадных декораций, характерных для моравского придворного стиля (Раваница, Лазарица, Любостынья, Каенич). Сохранив традиционную типологию, мастера другой школы смогли привнести новую гармонию в оформление этой постройки. В облике ресавского храма, несомненно, чувствуется знакомство приморских мастеров с западноевропейской архитектурной традицией, прежде всего — с определенными тенденциями, характерными для архитектуры Италии. Уже на уровне композиции храма и отделки его фасадов заметно влияние более рациональной системы пропорционирования, основанной на соразмерности и гармоничной упорядоченности частей. Последовательность в выявлении легкой, но отчетливой динамики вертикального развития общей композиции раскрывается в формах и пропорциях отдельных ее частей (прясла фасадов с наложенными на них уплощенными стрельчатыми арками, стройная вытянутость постаментов и барабанов глав, очертания заостренных оконниц). Здесь обнаруживается архитектурное явление, по содержанию и характеру близкое кругу позднеготических и ренессансных идей. Отсутствие подробности, изящество и при этом монументальность — ключевые

характеристики архитектурного образа Ресавы. Декор минимален, он ограничивается аркатурными поясками в верхних зонах и длинными полуколонками, акцентирующими грани алтарных и боковых экседр, что способствует ясности прочтения композиции. Облицовка гладко шлифованным мрамором эффектно подчеркивает силуэт храма, выявляет его легкость, утонченность и гармоничность. В интерьере церкви при общем типологическом сходстве с Раваницей более интенсивное, рационально организованное освещение усиливает впечатление зальности пространства. Все эти особенности отличают художественный образ Ресавы от его образца. Этот величественный храм свидетельствует о новом явлении, где удивительно гармонично сочетаются традиционная византийская основа и рациональная ясность ренессансных методов, при помощи которых логично, легко и полно воплощается образ восточнохристианского храма. Новым союзом Востока и Запада завершается трехсотлетняя история средневекового зодчества Старой Сербии накануне ее завоевания османами в середине XV столетия. Как и на этапе становления сербской архитектурной традиции, в это время тоже были восприняты и творчески переработаны различные новые тенденции, подчиненные местным вкусам и давшие новый сплав, имеющий специфически сербский характер.

## Литература

1. *Воронова А. А.* На границе Востока и Запада. Средневековая архитектура Сербии, Далмации и Истрии. — М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2015. — 215 с.
2. *Вуловић Б.* Раваница. Њено место и њена улога у сакралној архитектури Поморавља // Саопштења. Књ. VII. — Београд, 1966. — 216 с.
3. *Захарова А. В., Мальцева С. В.* Приделы в сербских храмах эпохи Душана Сильного (1331–1355) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. — 2013. — № 3. — С. 125–144.
4. *Калић Ј.* Европа и Срби. Средњи век. — Београд: Историјски институт, 2006. — 711 с.
5. *Кандић О.* Градац: историја и архитектура манастира. — Београд: Полиграф, 2005. — 302 с.
6. *Катанић Н.* Декоративна камена пластика Моравске школе. — Београд, Просвета, 1988 — 266 с.
7. *Кораћ В.* Свети Сава и програм Рашког храма // Између Византије и Запада: Одабране студије о архитектури. — Београд: Просвета, 1987. — С. 145–156.
8. *Кораћ В.* Споменици монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. — Београд: Полиграф, 2003. — 341 с.
9. *Максимовић Љ.* Владарска идеологија у српској држави и подизање Студенице // Византијски свет и срби. — Београд: Историјски институт, 2009. — С. 113–131.
10. *Мальцева С. В.* Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. Византийские истоки и становление сербских региональных традиций // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010. — С. 282–299.
11. *Мальцева С. В.* Некоторые проблемы изучения однефных купольных построек на примере средневековой сербской архитектуры // Seminarium Bulkinianum. III: К 75-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. — СПб.: Каламос, 2012. — С. 42–57.
12. *Мальцева С. В.* Приделы в сербских храмах XIII — первой половины XIV вв. // Византийский временник. — 2012. — Т. 71. — С. 177–199.
13. *Нешковић Ј.* Ђурђеви Ступови у старом Расу. Постанак архитектуре цркве Св. Ђорђа и стварање рашког типа споменика у архитектури средњовековне Србије. — Краљево: Београдски издавачко-графички завод, 1984. — 253 с.
14. *Петковић В. Р., Бошковић Ђ.* Дечани. Књ. I–II. — Београд: Academia Regalis Serbica, 1941. — 242 с., 97 с.

15. Поповић Д. Средњовековне надгробни споменици у Дечанима // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Међународни научни скуп поводом 650 година манастира Дечана. Септембар 1985. — Београд: «Јединство» Приштина, 1989. — С. 225–237
16. Поповић Д. Српски владарски гроб у средњем веку. — Београд: Институт за историју уметности Филозофског факултета, 1992. — 214 с.
17. Тодић Б. Манастир Ресава. — Београд: Публикум, 1995. — 156 с.
18. Тодић Б., Чанак-Медић М. Манастир Дечани. — Београд: Музеју Приштина, 2005. — 536 с.
19. Ђирковић С. Срби међу европским народима. — Београд: Equilibrium, 2004. — 336 с.
20. Чанак-Медић М., Кандић О. Споменици српске архитектуре средњег века. Архитектура прве половине XIII века. I. — Београд: Републички завод за заштиту споменика културе, 1995. — 225 с.
21. Чанак-Медић М., Тодић Б. Манастир Студеница. — Нови Сад: Платонеум, 2011. — 173 с.
22. Шунут М. Манастир Бањска. — Београд: Републички завод за заштиту споменика културе, 2004. — 48 с.
23. Babić G., Ćirković S., Korać V. Manastir Studenica. — Belgrade: Jugoslovenska Revija, 1986. — 200 с.
24. Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300-ca. 1550). — London, Yale University Press, 2010. — 913 p.
25. Korać V. L'architecture de Dečani, tradition et innovation // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Међународни научни скуп поводом 650 година манастира Дечана. Септембар 1985. — Београд: «Јединство» Приштина, 1989. — С. 149–157.
26. Millet G. L'ancien art serbe. Les églises. — Paris: E. de Boccard, 1919. — 208 p.

**Название статьи.** Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков.

**Сведения об авторе.** Мальцева Светлана Владиславовна — старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. s.maltseva@spbu.ru

**Аннотация.** В архитектуре Сербии и в эпоху ее формирования в конце XII–XIII вв., и в эпоху наивысшего политического могущества сербского государства в XIV в., и в период его последнего расцвета в конце XIV – первой половине XV в. византийские и западноевропейские традиции соединялись с местной идеологической основой, создавая неповторимое своеобразие национальной архитектуры. В данной статье рассматривается специфика сербского зодчества позднего периода. В это время при доминировании византийских традиций и стилистике западноевропейские влияния проявляются прежде всего на уровне отдельных элементов, в основном декоративных. При этом существуют значимые памятники, в которых внедрение западных элементов затрагивает более существенные стороны, такие как объемно-пространственная композиция и конструкции. Один из наиболее интересных примеров этого синтеза — церковь Пантократора в Дечанах, где в наружном облике легко узнаются традиционные черты рашского храма, которые в интерьере получают весьма специфическую реализацию в формах поздней готики. В первой четверти XV в., когда ренессансные идеи проникают в регионы балканского Приморья, пришедшие оттуда мастера возводят храм в Ресаве. Сохраняя классическую структуру византийского пятиглавого храма, они придают ей новые акценты, которые проявляются в нюансах объемно-пространственной композиции и в оформлении фасадов. Эти и другие аспекты западноевропейских влияний в сербской архитектуре XIV–XV вв., которую в историографии последних лет неоднократно предлагалось отождествлять с византийской традицией, стали предметом анализа в настоящей работе.

**Ключевые слова:** средневековая архитектура, сербская архитектура, византийская традиция, западноевропейские влияния, церковь Пантократора монастыря Дечаны, монастырь Ресавы (Манасия).

**Title.** Western Influences in Serbian Architecture of the 14<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> Centuries.

**Author.** Mal'tseva, Svetlana Vladislavovna — head lecturer. Saint Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. s.maltseva@spbu.ru

**Abstract.** From the emergence in the late 12<sup>th</sup>–13<sup>th</sup> centuries to the days of its flourishing in the late 14<sup>th</sup> – first half of the 15<sup>th</sup> century, Serbian architecture always combined Byzantine and Western European elements with local ideological concepts, thus shaping an original national architectural tradition. The paper focuses on the Serbian architecture of the late period. While Byzantine traditions predominated both in typology and style of church buildings, Western influences manifested themselves in some particular elements, mainly

decorative. At the same time, there are some monuments of particular importance where the Western influence penetrated much deeper and affected compositional and structural elements. One of the most interesting examples of such synthesis is the Church of Pantocrator at Dečani. The exterior of the church looks typical of the so called Raška School; yet, in the interior, the local traditions are transformed by late gothic forms. In the first quarter of the 15<sup>th</sup> century, when the ideas of Renaissance reached the Balkan littoral, the craftsmen coming from this region were engaged in the construction of the church at the Resava Monastery. While preserving the typically Byzantine five-domed composition, the craftsmen created new accents in the proportions and decoration of facades. Although in recent research papers late Serbian architecture has been viewed merely as one of the local variations of the Byzantine tradition, the Western influences are too substantial to be discarded.

**Keywords:** medieval architecture; Serbian architecture; Byzantine tradition; Western influence; the Church of Pantocrator at Dečani; Resava Monastery.

## References

- Babić G.; Ćirković S.; Korać V. *Manastir Studenica (Studenitca Monastery)*. Beograd, Jugoslovenska Revija Publ., 1986. 200 p. (in Serbian).
- Čanak-Medić M. *Sveti Ahilije u Arilju (The Church of St. Aheil in Arilje)*. Beograd, Poligraf Publ., 2002. 356 p. (in Serbian).
- Čanak-Medić M.; Kandić O. *Spomenici srpske arhitekture srednjeg veka. Arhitektura prve polovine XIII veka I. (Monuments of Serbian Medieval Architecture. Architecture of the First Half of the 13<sup>th</sup> Century I)*. Beograd, Republički zavod za zaštitu spomenika culture Publ., 1995. 225 p. (in Serbian).
- Čanak-Medić M., Todić B. *Manastir Studenica (Studenitca Monastery)*. Novi Sad, Platinum Publ., 2011. 173 p. (in Serbian).
- Ćirković S. *Srbi među evropskim narodima (The Serbs between European Nations)*. Beograd, Equilibrium Publ., 2004. 336 p. (in Serbian).
- Ćurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 – ca. 1550)*. London, Yale University Press Publ., 2010. 913 p.
- Đurić V. *Sopocani*. Beograd, Prosveta Publ., 1963. 146 p. (in Serbian).
- Kalić J. *Srbi i Yevropa. Sredni vek (Europe and the Serbs. The Middle Ages)*. Beograd, Istorijski institute Publ., 2006. 711 p. (in Serbian).
- Kandić O. *Gradats: istorija i arhitektura manastira Gradac (History and Architecture of a Monastery Gradac)*. Beograd, Poligraf Publ., 2005. 302 p. (in Serbian).
- Katanić N. *Dekorativna kamena plastika Moravske škole (Decorative Stone Sculpture of Morava School)*. Beograd, Prosveta Publ., 1988. 266 p. (in Serbian).
- Korać V. L'architecture de Dečani, tradition et innovation. *Dečani i vizantijska umetnostsredinom XIV veka. Međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana. Septembar 1985 (Byzantium Art of the Mid.14<sup>th</sup> Century. Materials of the International Conference Dedicated to the 650<sup>th</sup> Anniversary of Dechany Monastery. September, 1985)*. Beograd, Jedinstvo Publ., 1989, pp. 149–157 (in French).
- Korać V. *Spomenici monumentalne srpske arhitekture XIV veka u Povardarju (Monuments of 14<sup>th</sup> Century Serbian Architecture in Povardarje)*. Beograd, Poligraf Publ., 2003. 341p. (in Serbian).
- Korać V. St. Sabas and the program of Raška church. *Između Vizantije i Zapada: Odabrane studije o arhitekturi (Between Byzantium and the West: The Selected Materials on Architecture)*. Beograd, Prosveta Publ., 1987, pp. 145–156 (in Serbian).
- Maksimović L. The Government Ideology of Serbia and the Erection of Studenitza. *Vizantijski svet i srbij (Byzantium Universe and the Serbs)*. Beograd, Istorijski institut Publ., 2009, pp. 113–131 (in Serbian).
- Mal'tseva S. V. Certain Issues of Single-Nave Domical Structures in Medieval Serbian Architecture. *Seminarium Bulkinianum III: To the 75<sup>th</sup> Anniversary of Valentin Aleksadrovich Bulkin*. Saint-Petersburg, Kalamos Publ., 2012, pp. 42–57 (in Russian).
- Mal'tseva S. V. Side Chapels of 13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> Century Serbian Churches. *Vizantiiskii vremennik*, 2012, vol. 71, pp. 177–199 (in Russian).
- Mal'tseva S. V. The Church of Dormition of Virgin Mary-in-Studenitca. Byzantium Roots and the Development of Serbian Regional Traditions. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of the State Hermitage)*, vol. 53. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2010, pp. 282–299 (in Russian).

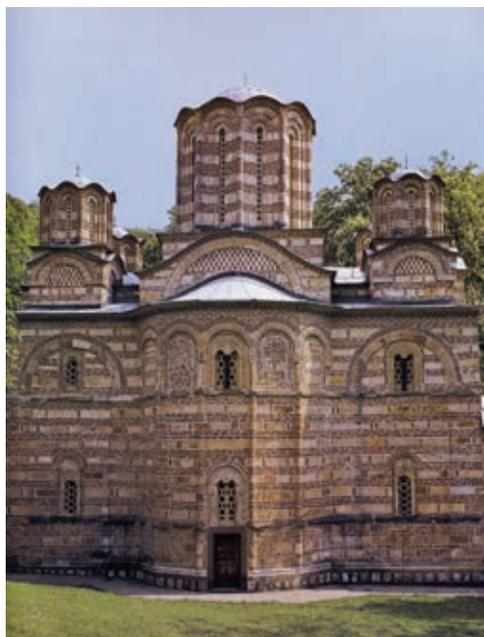
- Millet G. *L'ancien art serbe. Les églises*. Paris, E. de Boccard Publ., 1919. 208 p. (in French).
- Nenadović S. *Dušanova zadužbina Manastir Svetih Arhangela kod Prizrena (Dushanova Zadužbina St. Archangels Monastery near Prizren)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1967. 120+XCIV p. (in Serbian).
- Nešković J. *Đurđevi Stupovi u starom Rasu. Postanak arhitekture crkve Sv. Đorđa i stvaranje raškog tipa spomenika u arhitekturi srednjovekovne Srbije (The Pillars of St. George in Stary Ras. The Development of Church of Saint George Architecture and the Emergence of the Raška-type Church in Medieval Serbian Architecture)*. Kraljevo, Beogradski izdavačko-grafički zavod Publ., 1984. 253 p. (in Serbian).
- Petković Vlad. R.; Bošković Đ. *Dečani, vol. 1–2*. Beograd, Academia Regalis Serbica Publ., 1941. 242 p. + ill.; 97 p. + ill. (in Serbian).
- Popović D. *Medieval Tomb Stones in Dechany. Dečani i vizantijska umetnost sredinom XIV veka. Međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana. Septembar 1985 (Byzantium Art of the Mid. 14<sup>th</sup> Century. Materials of the International Conference Dedicated to the 650<sup>th</sup> Anniversary of Dechany Monastery. September, 1985)*. Beograd, Jedinstvo Publ., 1989, pp. 225–237 (in Serbian).
- Popović D. *Srpski vladarski grob u srednjem veku (Serbian Nobility Tombs in the Middle Ages)*. Beograd, Institut za istoriju umetnosti Filozofskog fakulteta Publ., 1992. 214 p. (in Serbian).
- Šuput M. *Manastir Banjska (Banjska Monastery)*. Beograd, Republički zavod za zaštitu spomenika culture Publ., 2004. 48 p. (in Serbian).
- Šuput M. *The Constantinople Origin of the Church of St. Nicolas in Kurshumlia. Stefan Nemanja — Sveti Simeon Mirotočivi. Istorija i predanje (Stephan Nemanja — St. Simion Shedder of Holy Ointment)*. Beograd, Srpska akademija nauka i umetnosti Publ., 2000, pp. 171–178 (in Serbian).
- Todić B. *Manastir Resava (Resava Monastery)*. Beograd, Publikum Publ., 1995. 156 p. (in Serbian).
- Todić B.; Čanak-Medić M. *Manastir Dečani (Dečani Monastery)*. Beograd, Muzej u Prištine Publ., 2005. 536 p. (in Serbian).
- Voronova A. A. *Na granitse Vostoka i Zapada. Srednevekovaia arhitektura Srbije, Dalmatsi i Istrii (Between the East and the West. Medieval Architecture of Serbia, Dalmatia and Istria)*. Moscow, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University Publ., 2015. 215 p. (in Russian).
- Vulović P. *Ravanica. Its Importance in the Church Architecture Pomoravlja. Saopštenja, vol. 7*. Beograd, 1966. 216 p. (in Serbian).
- Zakharova A. V.; Mal'tseva S. V. *Side Chapels in the Serbian Churches of Dushan the Strong Epoch (1331–1355). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorii (Bulletin of Moscow University. Vol. 8. History)*, 2013, no. 3, pp. 125–144 (in Russian).



Илл. 54. Церковь Пантократора монастыря Дечаны. 1327–1335.  
Фото С. В. Мальцевой



Илл. 55. Церковь Пантократора монастыря  
Дечаны. Деталь. 1327–1335.  
Фото С. В. Мальцевой



Илл. 56. Церковь Вознесения монастыря Раваница.  
1370-е гг. Фото С. В. Мальцевой



Илл. 57. Церковь Св. Троицы монастыря Ресава.  
До 1418 г. Фото С. В. Мальцевой